

Андрей Жигалов

Нам ли быть в печали...

18+

Андрей Жигалов

Нам ли быть в печали....

«Автор»

2026

Жигалов А. А.

Нам ли быть в печали.... / А. А. Жигалов — «Автор», 2026

Рассказы из нулевых. Начаты рассказы в 2003 году, пишутся до сих пор.

Короткие рассказы будут опускать в нулевые и рассказывать, о жизни современных людей...

© Жигалов А. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Нам ли быть в печали...	5
Друг, виляющий хвостом с небес.	8
Музыка боя	10
Защитник	12
Постоянство	14
Обручальное кольцо	16

Андрей Жигалов

Нам ли быть в печали....

Нам ли быть в печали...

Восход был какой-то необычайно тревожный, странных оранжевых цветов как в советском мультфильме про Маугли. Ощущение напряженности усиливалось еще и звенящей тишиной. Так совсем не бывает в лесу. То тут, то там обязательно должна хрустнуть ветка, ветер должен шуршать зеленой еще листвой, ну и птицы, птицы просыпаются с восходом и начинают свои трели, пересвисты или как там еще у орнитологов или писателей натуралистов это называется. Нет. Какая-то ватная тишина, освещенная солнцем саванны. Все это начинает вселять тревогу, почти паранойю.

Последний раз я ходил по грибы с дедом еще. Мне тогда было лет, наверное, двенадцать. Подъем в пять утра. Умывальник на улице с холодной колодезной водой. Дед стоит рядом, обтирается вафельным полотенцем и тихо мурчит себе под нос:

«Закаляйся,
если хочешь быть здоров!
Постарайся
позабыть про докторов.
Водой холодной обтирайся,
если хочешь быть здоров!»

Потом, когда я отхожу от умывальника и, поеживаясь от утренней прохлады, фыркаю, кидает мне полотенце и идет в дом. Я резкими движениями и с сильным нажимом тру и без того красное от ледяного умывания лицо и иду вслед за дедом.

В деревенском доме пахнет сыростью и начинающим гнить деревом. Доски в сенях стоят горбами и прогибаются под тяжестью шагов. Раньше здесь жила прабабка и, наверное, было тут уютно, тепло и пахло не сараем, а кашей из русской печки. Сейчас же это пустующий, промерзший, вросший по резные, с облупившейся краской, наличники в землю, дом в деревне, в который мы с дедом приезжаем несколько раз в год, чтобы сходить по грибы или ягоды и привезти соседке тете Тоне колбасу и деньги на оплату взносов за нашу грибную фазенду.

Хлопаю дверь с огромным усилием, иначе ее не получится вколотить в деформировавшийся и искривившийся от влаги косяк и иду к печке. На кухне уже слышится хриплый свист чайника и очередное бодрое:

«Чтобы тело и душа были молоды,
Были молоды, были молоды,
Ты не бойся ни жары и ни холода,
Закаляйся, как сталь!
Физкульт-ура!
Физкульт-ура-ура-ура! Будь готов,
Когда настанет час бить врагов,
От всех границ ты их отбивай!
Левый край! Правый край! Не зевай!»

Я беру чашку с так полюбившимся мне в доме отдыха, в котором мы не так давно были, кофейным напитком из цикория, отхлебываю, смотрю на деда, он намазывает толстые куски белого хлеба, только что вынутым из ведра с водой, которое служит холодильником, масло. Сверху я положу щедрый ломоть любительской колбасы и буду жевать, наслаждаясь завтраком

без каши и чая с молоком. Из вот таких вот бытовых моментов как завтрак без каши, влажное полотенце на двоих и складывается такое понятие «мужской коллектив».

Дед моет посуду, а я рассматриваю старые литературные журналы, стоящие на резной этажерке в соседней комнате. Со стены на меня сурово смотрит фотография прадеда, под стеклом рядом с ним пожелтевшие снимки других родственников, их я не знаю. Дед заходит в комнату откинув зеленую занавеску, служащую ни то дверью, ни то перегородкой.

- Давай одеваться, а то все дачники до нас соберут.

- А мы в твои места пойдем потайные, они до туда не доходят.

- Надевай портянки и пошли.

Потом дед, в какой уже раз показывает, как накручивать на ногу портянку, рассказывая про армию, послевоенную Германию и как перед тем как зайти в столовую нужно было прыгнуть через козла. Я снимаю с гвоздя мамину стрейчовую куртку, покрытую какими-то непонятными мне надписями и датами. Перед выходом мы натираемся от комаров одеколоном «Гвоздика», запираем дом, прячем ключи под крыльцом и через «зады» идем к лесу.

Сегодня утром все было по-другому. Кофе из кофе под сигаретку, душ, термоноски и туристическая куртка из мембранной ткани, под ногами не скрипящие половицы, а подогреваемый электричеством керамогранит. Дача.

Я решил вот так вот как раньше с дедом, сходить по грибы. Проснулся рано, стараясь не разбудить домашних, сел на машину и заехал в лес по самой заброшенной и разбитой грунтовке.

Вот стою, слушаю, пронизывающую каким-то ужасом перед необычным, тишину. Оглядываюсь назад, чтобы убедиться, что не так далеко ушел от машины. Нет ее уже не видно, но примятая моими шагами трава пока еще показывает направление к автомобилю. Чтобы хоть как-то вывести себя из состояния ступора и разбавить тишину, запеваю:

«Во всем нужна сноровка,

Закалка, тренировка.

Умейте выжидать,

Умейте нападать.

При каждой неудаче

Давать умеете сдачи.

Иначе вам удачи не видать.»

Голос почему-то предательски дрожит. Ничего кроме припева я не могу из себя выдавить. Что же это такое? Откуда такая тишина? Почему я вообще ее боюсь? Откуда этот страх? Откуда какая-то непонятная паника? Достая сигарету, закурываю. Поднимаю с земли хорошую сосновую палку, опираясь о нее иду вперед.

В тот день в лесу мы заблудились. Увлечлись сбором подберезовиков в новой, найденной нами рощице, которая привела в богатый грибами бор, который сменился просеккой, на которой мы и поняли, что абсолютно не понимаем где мы.

Потом был маршевый ход по просеке. Отчаянные метания между совершенно не знакомых и не по-подмосковному суровых болот. Лосиные тропы. Несколько свежих лежек. Огромное количество гадюк на пнях и в траве. Мне тогда казалось, что мы в каком-то кино про партизан. Дед напряженно молчал сидя, на стволе поваленного дерева, на берегу очередного болота курил. Потом хлопнул ладонями по худым, коленкам, торчавшим под трениками, встал и пошел вперед, задорно напевая:

«Эх, Андрюша, нам ли быть в печали?

Не прячь гармонь, играй на все лады...

Поднажми, чтобы горы заплясали,

Чтоб зашумели зелёные сады...»

Через плутание, мы вышли из леса на какую-то дорогу, которая вывела нас к деревне. Оттуда мы еще долго добирались перекладными до дома, но добрались.

Вечером мы ели макароны по-флотски с тушенкой. Дед наливал себе водку в маленький граненый стакан и выпивал ее так вкусно, что даже я, тогда еще не пробовавший ничего крепче пива, ему завидовал. Потом дед пошел курить на крыльцо, а я остался вылавливать сливы из банки с компотом.

Тишина нарушилась резко. Сзади затрещали ветки так громко, как пулеметная очередь в горах. Я резко обернулся. За мной, метрах в десяти-пятнадцати среди деревьев стояла стая собак, а из чащи выбегали еще и еще. Все они были лохматые, со свалявшейся шерстью, с отвратительными ободранными мордами. Они совсем не были похожи на обычных городских бродячих собак, кормящихся у метро и на помойках. Звери были худыми, с совершенно дикими, злобными глазами, в которых не было ни капли страха перед человеком.

Как-то в зоопарке в Геленджике я видел индийских красных и черных волков, это были они. Точно. Хотя какие к дьяволу волки, да еще и индийские в двадцати километрах от Москвы? Вон у некоторых хвост кольцом.

В это время собаки короткими перебежками все приближались. Д первой из них уже оставалось метра три. Я размахнулся палкой. Три пса находившиеся ближе всего ко мне резко дернули головой вниз. Один из них в ту же секунду с визгливым рыком прыгнул на меня. Схватил пастью, подставленную руку. Потом как градины на теплицу, с такими же глухими звуками ударов пастей о тело посыпались вторая третья. Я пытался стряхивать их, но от удара в спину упал. Все тело жалили уколы. Кто-то уже тянул ухо и шею. Острая боль и хруст у ключицы. Еще и еще уколы. Потом меня начало дергать в разные стороны как тряпку, руки, ноги, бока туловища словно кто-то пытался тащить во все стороны сразу. Больше не стало уколов. Несмотря на ворчание визгливый лай в ушах была тишина. Прошел страх. После очередного рывка я запел:

«Эх, Андрюша, нам ли быть в печали?

Не прячь гармонь, играй на все лады...

Поднажми, чтобы горы заплясали,

Чтоб зашумели зелёные сады...»Глава 1

Друг, виляющий хвостом с небес.

Водка горько-сладким, жестким, колючим комом прошла через горло и камнем упала внутрь груди, где уже разлилась приятной теплотой, от такого большого глотка, на глаза навернулись слезы, и меня слегка передернуло. Через несколько секунд тело немного расслабилось, и теплота из груди переросла в приятную негу всего тела и легкое гудение в голове. Слезы из глаз так и не ушли, а все прибывали и прибывали, уже вовсе не от водочной, а от душевной горечи. Один, сидя на корточках, в холодном майском лесу, опершись спиной о мокрый ствол дерева, я мог позволить себе такое проявление чувств, тут никто не увидит слез здорового мужчины. Дело вовсе не в том, что я бы постеснялся, нет, мужчине не положено плакать публично, потому что мужские слезы очень суровые и на каплю мужской слезы приходится в сотни раз больше горя и отчаяния, чем на детскую или женскую, поэтому от одного ее вида становится погано на душе так, что хочется отвернуться и поскорее забыть увиденное. Сейчас я об этом не думаю, думаю только о том, кто лежит на глубине метра под каменным миниа-тюрным курганом, рядом с которым сижу я. Час назад я достал из багажника черный пакет для мусора, внутри которого обернутый в любимое одеяло лежал Бутч, вернее не Бутч, а уже его тело.

С ним я познакомился два года назад. Он радостно выпрыгнул из черненькой сверкающей и блестящей на солнце маленькой машины, и всеми четырьмя лапами плюхнулся в огромную, такую же блестящую как машина лужу, после этого увидев, как я приветственно целую его хозяйку, бешено виляя из стороны в сторону своим похожим на прут арматуры хвостом, чуть не сделав им вмятину в открытой двери авто, прыгнул на меня и радостно поставил передние лапы прямо мою по-весеннему белоснежную толстовку. Я тут же оттолкнул его коленом, и начал шутливо журить за испорченную вещь, потом трепал за его обрезанными по череп ушами и чесал шею. Бутч извивался как огромная змея и радостно улыбался. Был он совершенно невоспитанным, ужасно добрым и жизнерадостным созданием. Он светился позитивной энергией и счастьем.

Трудно было поверить в его судьбу. Алена, высокая крепкая блондинка, с волевыми чертами лица, присущими спортсменам, и человек добрейшей души, чем она очень походила на своего пса. С Аленой мы как-то внезапно и нелепо познакомились через Интернет на очередном сайте любителей чего-то и периодически общались. Наверное, у нее имелись на меня какие-то виды, а может и нет, для меня же это была дружба на грани флирта.

Однажды, когда я пришел на дрессировочную площадку со своим псом, кинолог Алексей, сказал, что одна из дамочек, которая с ним занимается, отказывается от щенка семи месяцев от роду, якобы не справляется с агрессивностью, и якобы тот даже ее кусает. Алексей поведал, что собачка идеальная и, что ждет ее, скорее всего приют, если и вовсе не помойка, так как девушка, его хозяйка, своеобразная.

В тот вечер мы с Аленой ездили смотреть боксерский матч, во время которого, я рассказал ей эту историю под соусом «представь, какие бывают сволочи». Алена два дня пыталась у меня телефон кинолога, с тем, чтобы взять себе этого щенка. Я пытался объяснить ей, что даже, несмотря на ее доходы у нее нет возможности содержать собаку, так как в первую очередь это время, которое она привыкла уделять своим удовольствиям. На третий день я сдался, справедливо полагая, что пусть собака будет хотя бы сытой.

Признаться честно, я не ожидал такой доброты и душевной широты от слегка эгоистичной, с виду жесткой и вызывающе самовлюбленной женщины. Алена сумела меня поразить. Она отдалась воспитанию и заботе о щенке полностью, он везде ездил с ней, и все свое время она отдавала только ему. Бутч же не проявлял ни капли агрессии и, казалось, не мог укунить даже свой хвост.

После этой первой встречи с Бутчем мы часто гуляли по парку у Новодевичьего монастыря, ходили на дрессировочную площадку, даже пару раз приезжали ко мне на дачу. Бутч стал мне почти родным, мы играли с ним в палку, он ужасно любил меня, и при каждой встрече, уворачиваясь от моего выставленного колена, умудрялся прыгнуть мне на грудь, а то и достать мое лицо своим языком, а потом резко отлететь в сторону и начать бегать вокруг, приглашая поиграть в догонялки.

Месяцев пять назад, наши прогулки прекратились, а общение с Аленой свелось к нечастому обмену короткими сообщениями. Она встретила мужчину, одинокого отца пятилетней дочери, глубоко несчастного, с трудной судьбой человека не то милиционера, не то пожарного. Он влюбился в нее, а она в него. Перевезла его с дочерью в свой загородный дом, где они зажили подобием семьи. Иногда меня поселяли мысли, что она приютила его также как Бутча из доброты и сострадания. Я отгонял эти мысли как назойливых мух, так как самому перед собой за них было стыдно.

Сегодня утром, когда я гулял со своим питомцем, зазвонил телефон, и Алена потухшим голосом сообщила, что ее муж (даже называет его так) застрелил Бутча. Собака играла с девочкой во дворе, малышка из шалости пыталась засунуть в ноздрю псу невесть откуда взявшейся у нее колпачок от фломастера, Бутч укусил ее за руку. Разъяренный отец перед выездом в травмпункт, вышел во двор и из своего ружья три раза выстрелил в виновато вжимающегося в забор пса, а потом подошел и добил его «контрольным в голову».

Через два часа, я уже вез тело, только утром бывшее вертлявым, добродушным, дурашливым метисом стаффа по Киевскому шоссе, по направлению к своей даче. Доехав до места, я взял лопату, бутылку водки, пачку сигарет и понес уже холодный сверток в лес. Я похоронил его в том месте, где мы с ним год назад сидели вдвоем, и я жаловался ему на свои трудности, а он по-мужски молча слушал, а когда я вздыхал поворачивался ко мне и лизал меня в щеку. Хоть он и был не моей собакой, он был моим другом, в полном смысле этого святого для каждого человека слова. И вот теперь я делаю второй большой глоток водки за упокой его собачей души. Мне до слез жалко, что он не смог прожить полностью даже короткую жизнь собаки и нелепо погиб молодым, цветущим псом. Дым от сигареты поднимается куда-то вверх в серое, скорбящее небо, с которого он, наверное, смотрит на нас и виляет своим хвостом.

Музыка боя

МУЗЫКА БОЯ

Павел сидел и слушал музыку в плеейере, диск периодически заедало и в эти моменты он переставал вращать кисти и наносить ими воображаемые удары и натягивал бейсболку так глубоко и так сильно, словно хотел, чтобы она то ли срослась с черепом, то ли порвалась по швам. Впрочем, ни того, ни другого не происходило, просто - на просто, он слегка переставал гореть перед боем. Под монотонную мелодичную музыку питерских окраин, он, вопреки ожиданиям не успокаивался, а наоборот все больше и больше нервничал, и думал о сопернике, о бое, о своих пробелах тренировочном процессе, о том, что процесса то и нет как такового, а есть систематические тусовки с однокашниками, болтовня по телефону с Лизой, и две, максимум три тренировки в неделю. Чем больше он думал, тем чаще подпрыгивал или переминался с ноги на ногу и отбивал в тень, якобы разминаясь и согреваясь. Размят и согрет он был уже как почти полтора часа. Поэтому все эти действия были просто дерганием мелкого нервного беса, который бушевал в груди, пытаясь найти выход в районе солнечного сплетения, от чего с каждым ударом сердца перехватывало дух. Когда же диск заедало и музыка забуксовывала как городской автомобиль в колхозной грязи, отчаянно и беспомощно, он, на эти несколько секунд, успокаивался, руки тянулись к голове и помогали закрыться от всего, что происходило вокруг него в раздевалке головным убором.

Павел никогда не горел перед схватками на соревнованиях. Там было все понятно, спортивному просто: сетка схваток, соперники, известные лица, тренер, ребята из секции. Да и сама атмосфера, не смотря на соревновательный дух была максимально дружелюбной. Конечно, соревнования были не по шашкам и случались травмы: ломались носы, ребра, бывали нокауты, сотрясения. Была злость к сопернику, спортивная, тем ни менее.

Здесь все было чужим. Новым, абсолютно новым и настолько же абсолютно враждебным. Все, что происходило с ним, казалось ему кинематографическим, нереальным. Словно он смотрел какой-то низкопробный боевик про подпольные бои без правил и тотализатор. Раздевалка, в которую он прошел пару часов назад через пустой еще, сверкающий зал ресторана со стилизованным под тропический пляж рингом посередине, пахла потом, кухней, половой тряпкой и согревающими мазями спортсменов. Кругом было ни грязно, ни чисто, а как-то неопрятно. Павел никак не мог понять стоит ли в помещении дым, пар, какой-то смог, или это просто пелена у него перед глазами. В метрах семи от него, в дальнем конце раздевалки, или чем она там служила ресторану в обычные дни, когда не проводили боев, судя по весу его соперник, молодой совсем кавказец, рубил по лапам сильнейшие удары. Бил громко, медленно, одиночными, но с сильнейшим акцентом. Паше казалось, что это какой-то психологический прием, направленный против него, никакого смысла в плане разминки или тренировки перед боем эти удары несли не могли, но их раскатистые громогласные звуки и монотонность нервировали его еще сильнее. В голове опять всплывал дурацкий голливудский образ мрачного тайца, пытающегося сокрушить ногой бетонную колонну.

Хуже всего было находиться тут одному. Дело в том, что его хороший товарищ, он же тренер, он же сегодня и промоутер, решал с организаторами боев какие-то финансовые и организационные вопросы. Он был предоставлен сам себе на все время перед его боем. Время выхода затягивалось, сначала ждали заполнения зала, потом завершения ставок, потом пара бойцов перед ними затягивала свой поединок постоянными остановками, мелкими травмами и фолами, он это из раздевалки не видел, но отчетливо слышал по реакции зала даже через музыку в наушниках.

Наконец бордовая тяжелая, пыльная как занавес в провинциальном театре, штора, отделявшая импровизированную раздевалку от зала, распахнулась и вошли на уставших прямых

ногах, шаркающей походкой бойцы предыдущей пары, все в поту и с лицами в вазелине. Один из них с самым большим синяком на правой стороне лица, деловито разбинтовывал руку и что-то с улыбкой рассказывал другому, периодически жадно глотая воздух. Паша их не знал, как и не знал своего соперника, хотя и мир единоборств достаточно тесен и все более или менее приличные спортсмены хотя бы пару тройку раз, но виделись на соревнованиях или в залах.

Вслед за бойцами вошел Валера, со свежим кухонным, как у официантов, полотенце на плече, он махнул пальцами руки к себе: «Пошли!»

Павел снял с пояса плеер, вынул наушники, сбросил бесболку, швырнув ее на свою сумку и протянул руки ладонями вверх к Валере. Тот взял со скамейки новенькие перчатки и начал растягивать шнуровку. Вошел судья соревнований пухлый, маленький, чуть выше полтора метров мужичек похожий сразу на армянина, еврея и русского, пощупал одну забинтованную руку, вторую лишь поднял к глазам на своей маленькой ладошке, пробормотал что-то себе под нос, и как мячик, слегка попрыгивая, покатился в дальний конец раздевалки к сопернику. Валера надел перчатки и начал их затягивать периодически справляясь, мол, не туго ли.

Мимо них в зал энергично пробежал рефери, что-то на ходу бросив тренеру. Валера кивнул головой в сторону «занавеса».

Из зала донесся голос того, кто играл сегодня роль рингананаунсера, завел быстрой скороговоркой, подражая американским коллегам: «А теперь, дамы и господа, центральный поединок вечера. На ринге сойдутся представители двух разных школ кикбоксинга: тайской и западной. Итак, дамы и господа, представляю Вам сегодняшних соперников! В красном углу ринга ростом сто семьдесят девять сантиметров, весом в семьдесят пять килограммов, мастер спорта по кикбоксингу, кандидат в мастера спорта по боевому самбо, Паааааавел Овсянников!»

Заиграла музыка, с такого же как у него в плеере диска, который Валера дал диджею перед началом боев и они, распахнув штору, между столиков, сопровождаемые вежливыми, жидкими аплодисментами последовали к рингу. Паша оперся всем весом на верхний канат и как через забор перепрыгнул, через него в ринг. На ринге он прошелся кругом с поднятой над головой левой рукой под завершающие аккорды композиции и встал в свой угол. Он стоял, переминаясь с ноги на ногу, энергично разминая шею, качая головой из стороны в сторону, как бы пытаясь достать ушами плеч.

Весь бой был как в тумане. Сумбур. Обмены ударами, под радостное улюлюканье толпы в зале. Какие-то советы Валеры, которые тоже были почти неслышны, и точно не услышаны. Он делал что-то своё. Первый раз он пришел в сознание, когда кто-то из зала ресторана выкрикнул: «Шо стоишь-то, мочи его!». На это Павел, отпрыгнув от противника, чтобы не получить удар, выкрикнул в ответ: «Ну так выходи, сюда сам!»

Второй раз он вышел из тумана и звона в ушах, когда соперник с хорошим махом, прямо с пола начал пробивать правой ногой в голову. Он видел удар как в замедленной съемке, но почему-то ничего не сделал, даже чуть опустил руки.

Перед глазами появились чёрные мухи, которые кружились быстро, увеличиваясь в размере пока не превратились в один большой черный занавес. И тут как избавление от какофонии звуков заиграла та самая монотонная, грустная мелодия, которая как с плохого диска в плеере иногда пробуксовывала и иногда заикалась, но была избавлением от того, что происходило вокруг.

Защитник

ЗАЩИТНИК

Я люблю все проконтролировать, проверить, чтобы быть уверенным, что дело сделано и сделано хорошо, мне так спокойнее. А я в последнее время полюбил покой. Вот и тогда, после того как отзвонились строители и сказали, что могилку вырыли, решил съездить и проверить. В первую очередь, чтобы знать куда идти, когда приедем предавать тело земле, ну и естественно, чтобы убедиться, что она, могила, действительно сделана.

Не знаю почему, но всевозможные романтические мысли и настроения у меня бывают, когда я нахожусь, по той или иной причине, на кладбище. Я вообще не люблю зиму, всю эту романтику со скрипом снега под валенками, походами на лыжах, катанием на коньках в ЦПКиО, пьяные снежки ночью во дворе и кружащиеся в свете уличного фонаря снежинки. Не люблю и все тут. В тот же день все было по-другому, я смотрел на пролетающие мимо автомобиля заиндевевшие деревья, словно с витрины цветочного магазина в канун Рождества, наконец-то выпавший этой зимой снег, на маленькие колкие и острые, словно миниатюрные стрелы, снежинки, которые кажется вот-вот разобьют лобовое стекло и на приближавшиеся, покрытые снежными шапками, кладбищенские кресты и памятники и пребывал в каком-то умиленном состоянии. На душе было спокойно и как-то даже пустынно. Более того, я поймал себя на мысли, что ни о чем кроме окружающей красоты не думаю, что все проблемы, связанные с организацией предстоящих похорон, ушли, куда-то на периферию сознания и сидят там тихо как нашкодившие дети.

Кладбище находилось в лесу, по опушке шла дорога, а прямо между деревьев были похоронены жители трех окрестных деревушек. Нет ни ограды, ни сторожей, только символические ворота. Когда я бывал здесь с родителями у прабабушки на Пасху или в день ее смерти, всегда думал, что, наверное, это лучшее место, для упокоения – тишина, умиротворение, глушь, отсутствие людей и даже привычных для больших кладбищ собак и крыс и только треск деревьев зимой и щебет птиц летом.

Вырытую могилу я увидел сразу и пошел к ней не торопясь, глубоко вдыхая свежий воздух и поглядывая по сторонам. По дороге попалась свежая, явно сегодняшняя могилка, только странная, без креста, без таблички с одним скупым казенным венком без ленточек. Вот так живешь, живешь, общаешься с людьми, дружишь, обзаводишься семьей, а потом случается так, что остаешься настолько одинок, что даже похоронить некому, и тебя деловито, именно деловито, без эмоций, как какую-то ненужную вещь закопают, положат сверху выделенный родным государством убогий до желания о его отсутствии венки, по-крестьянски сплюнут в землю, сядут в автобус и уедут. Никто не придет к тебе, а может быть даже и не узнает, что ты умер

Вдруг из-за дерева, на меня с исступленным лаем выскочил щенок лайки месяцев шести, он был настроен очень воинственно, явно кого-то, защищая, выглядело это очень нелепо и весело, если принимать во внимание его возраст. Я огляделся по сторонам, посмотреть: где же хозяин, и как так я не почувствовал присутствие человека в лесу, раньше такого со мной не бывало. Но никого на кладбище, кроме меня и отважного сторожа не было. Чтобы подтвердить, возникшую у меня догадку, я протянул руку к безымянной свежей могилке, щенок бросился на меня с еще большей яростью. Да он охранял хозяина, он не забыл его в отличие от людей, он, не смотря на свой малый возраст и небогатый жизненный опыт, уже знал, что такое преданность и дружба. Он хоть и не понимал, почему чужие люди взяли его друга и закопали в землю, и почему тот никак не выйдет к нему и не почешет за ухом, не погладит по лобастой голове, но твердо знал, что раз хозяин беспомощен его надо защищать и, если нужно - умереть, защищая его.

Я пошел дальше своей дорогой, малыш тут же успокоился и уселся у холмика. Могилу вырыли хорошо, место мне тоже понравилось. Я сел на корточки над могилой, закурил и вспомнил, как мы с покойным Петровичем, когда я был помладше, рыли огромные ямы под столбы для забора, и устав садились также на корточки и курили, он, сплевывая, вонючую «Приму», я свой любимый «Житан», от которого он отказывался. А теперь я сижу и курю один, тоже над ямой, только в эту яму завтра положат его, и он больше не порассуждает о политике и не поработает на огороде. Вечерело. Я поднялся и отправился к машине. По дороге на меня опять бросился отважный сторож. Я нагнулся и ласково, начал просить его успокоиться и подойти ко мне. Лайчонок замолчал, посмотрел на меня, чуть нагнул свою бело-серую голову, сверкнул карими глазами и насторожил уши, одно из которых уже встало, а второе трогательно загибалось вперед. Он немного подумал и подошел ко мне. Песик был весь в песке и дрожал от холода. Я понял, что он здесь давно, и что он замерз и, наверное, не ел. Он жался ко мне и вилял своим хвостом. Сердце у меня обливало кровью. Ведь он, этот маленький, но отчаянно храбрый и безумно преданный малыш никому не нужен, он не сможет даже прибиться к стае бродячих собак, так как таких тут нет, а до ближайшей деревни час бегом. Да и кому он там нужен? В деревне этой живет семь немощных стариков, которым себя бы прокормить. А я не могу забрать его сегодня, потому как машина и багажник, и салон забита сумками и посадить я его смогу только если на колени И сделал то, за что, наверное, буду корить себя всю свою жизнь. Я развернулся и уехал, оставив несчастного сироту одного.

Уже дома я твердо решил, что завтра после похорон я заберу его к себе и даже оставлю, если они поладят с моим бульдогом, если нет, то обязательно пристрою к кому-нибудь из знакомых.

Утром, я положил в карман поводок и несколько кусков колбасы, завернутой в целлофан, и поехал на похороны. После похорон родственники пошли к машинам помянуть усопшего, я же пошел искать своего нового знакомого. Его нигде не было. Я свистел, цокал языком, несколько раз подходил к могиле его хозяина – все без результата. Я уже было обрадовался, что, наверное, кто-то его уже забрал, и он уже в тепле, сытый лежит у кого-то в ногах и тихо грустит о своем хозяине. И тут я увидел метрах в десяти вглубь леса серо-белый шерстяной комок. Я, проваливаясь в снег, подошел к нему. Он лежал, раскинув лапы боком на снегу с разбитым черепом. Он уже догонял своего хозяина или они уже встретились, и он виляет хвостом и трется о ноги своему другу, радуясь, что они снова вместе.

К горлу подступил ком. Сволочи! Гады! Как же так?! Как это можно?! Кто способен на такое?! Я на ватных ногах вернулся к машине, как-то невнятно попрощался с родственниками и умчал домой. Уже сидя на диване с бокалом виски в руке, я почувствовал, что грудь как будто кто-то сжал огромным кулаком. Это я виноват! Я не смог забрать его сразу, придумав себе кучу оправданий.

Черчилль подошел ко мне и ткнулся своим шершавым носом в ладонь и завилял куцым хвостиком.

Они всегда рядом с нами. Особенно когда нам плохо. Только мы не всегда это ценим, а иногда и не замечаем, воспринимая как должное. Они лучше нас, они честные, они искренние, они действительно любят.

Постоянство

ПОСТОЯНСТВО

На Покровском наступила та самая классическая, воспетая поэтами, писателями, рок и не только, музыкантами, московская осень. С пасмурным небом, вот-вот собирающимся начаться дождем, который, к слову, до ночи так и не начнется, ковром желтых листьев, гуляющими студентами, с обязательным пивом в руках, пожилыми людьми, совершающими свой ежедневный моцион к продуктовому и собачникам, среди которых в центре, к счастью, преобладают владельцы добродушных ретриверов, бернских зенненхундов и других благородных сеттеров. Среди этой красоты шел он, в светло-коричневом пальто, не по-московски оранжевых ботинках, с отрешенным выражением лица. Дойдя до набережной Яузы, он достал из кармана горбушку белого хлеба и начал кидать его кусочки уткам, не успевшим еще улететь в теплые края. Потом он вынул из смятой пачки сигарету и задумчиво закурил. Редкие прохожие смотрели на него с легким недоумением, сейчас в Москве, среди ревущих автомобилей, бегущих незнамо куда, незнамо, зачем клерков и сумасшедшего ритма, бурлящего мириадами звуков мегаполиса, человек празднично стоящий у парапета набережной в одиночестве и никуда не спешащий – абсолютная редкость. Он бросил бычок в воду, потом подумал, что зря, река ведь и без него засрана до предела, медленно развернулся и пошел обратно по бульвару. Переулками, знакомыми своими названиями, лишь историкам да парочке местных жителей он вышел на Солянку, где и зашел в кафе. Отказался от меню и попросил сразу принести двойной по крепости и двойной же по размеру эспрессо, снова закурил и обвел зал отрешенным взглядом. Кофе ему принесли сразу, через каких-то пару минут. Он достал наушники подключил их к телефону, выбрал альбом «Ктес» и погрузился в тягучую монотонную, но очень мелодичную музыку питерских окраин.

Она зашла в кафе через пару минут. Сразу после прогулки по берегу Москвы реки, села за свободный столик, откинула прядь волос, что за время, проведенное вне офиса, успели пропахнуть свежестью воды и ветром, который носит осенние листья. Сделала заказ из какого-то кофейного напитка и маленького кусочка торта, подожгла тонкую, похожую на длинную соломинку, дамскую сигарету, обвела взглядом помещение и вновь увидела его, с неизменной чашкой кофе, наушниками, волевым подбородком, взглядом серых глаз, которые вот уже который месяц, привычно смотрят на нее, но избегают встречи ее взгляда, и взъерошенными на затылке, пепельными и жесткими как проволока волосами.

Он смотрел на нее, на ее худые, острые коленки под столиком, на румяное от только начавшихся холодов лицо, на тонкие, чуть тронутые помадой губы, на костистые запястья и на тонкие пальцы, на одном из которых было надето обручальное кольцо с россыпью маленьких бриллиантов. Она была романтично-нежной, а в то же время и надменно-красивой, она смотрела на него, смотрела с интересом, вот уже не первый день. Он смотрел на ее кольцо и понимал, что у нее есть мужчина, которого она, скорее всего, любит, что у него есть красавица жена, светловолосая, кудрявая и розовощекая маленькая дочь, такса, в конце концов, короче говоря, все атрибуты идеальной семьи.

Она тоже, в свою очередь, со вздохом вспоминала хозяйственного мужа с образующимся основательным животиком, неуловимо похожего на нее, такого же аристократично худощавого сынишку, воскресные семейные поездки загород и размеренную и счастливую жизнь.

Им обоим в этот момент так хотелось безумства, окунуться друг в друга, сначала сесть за один столик, а потом, спустя несколько походов ресторан и на выставку фотографии, вместе поехать куда-нибудь в дом отдыха или на дачу, гулять по лесу, собирая желтые и красные кленовые листья, целоваться на берегу реки, греть горячим дыханием руки друг-другу, сме-

яться, пить красное сухое вино, а уже сидя в креслах рядом друг с другом коньяк с кофе, и заниматься любовью безудержно, путаясь в простынях, до изнеможения, упиваясь этим занятием как холодным, светлым пивом в жару, а потом вместе курить, наслаждаясь подмосковной тишиной и отсутствием семьи и обязательств.

Он положил на столик деньги, встал, поднял воротник пальто, последний раз взглянул на нее украдкой, и пошел в сторону выхода.

Она допила большим глотком остаток своего напитка и на ее карие, огромные глаза навернулась предательская слеза. Подумала: зачем эти обязательства и стереотипы, зачем она такая совестливая и верная, почему считает, то, о чем так мечтает мерзким предательством? Почему он не может сделать первый шаг?

А в Москве была осень, до нее было лето, а потом будет зима, и они смотрели и мечтали, смотрят и мечтают и будут смотреть друг на друга и мечтать, о том, что может быть рано или поздно из той искорки взаимных неловких взглядов разгорится маленький теплый костерок легких, не обязывающих ни к чему, и не влияющих ни на что отношений. Ну а сейчас просто осень, просто противная, промозглая, но чем-то неуловимо очаровательная московская осень.

Обручальное кольцо

ОБРУЧАЛЬНОЕ КОЛЬЦО

Сергей снял обручальное кольцо и долго вертел его между пальцев пока ждал зеленого сигнала светофора, чтобы перейти Ленинский проспект и войти в одно из сетевых кафешек, где его уже ждала она. Мысли о том, куда бы деть кольцо, чтобы его не потерять отвлекали его от переживаний от предстоящей встречи. Из глубокого накладного кармана пальто была извлечена связка ключей от дома, и на карабин брелока в виде головы овчарки благополучно было надето кольцо. «Так и не потеряю, и надеть не забуду» – подумал Сергей.

Кафе было ожидаемо похоже на своих братьев по сети: бежевые стены с нарисованными на них кофейными зернами, больше напоминающими тараканов, стеклянная витрина с пирожными, почему-то вперемишку с сэндвичами, официантки в коричневых фартуках.

- Вам курящий или не курящий?

- Меня должны ждать

Он бегал взглядом по столикам, растерянно стоя на высоких ступеньках у входа, в той нерешительности, будто ему нужно было спуститься с них не в зал заведения, а прыгнуть с десятиметровой вышки. В самом дальнем углу около окошка за маленьким круглым столиком он увидел ту, встречу с которой он представлял себе вот уже восемь лет. Она совсем не изменилась такая же немного нескладная при ее высоком росте худоба, прямая как у военного на параде спина, длинные, пышные волосы, тонкие губы. Только на ее переносице поселились овальные очки, сделавшие ее совсем уж похожей в своей строгости на школьную учительницу химии.

Сергей радостно, излишне энергично и потому и слегка дурашливо замахал ей рукой, и разматывая длинный, как у карикатурного художника шарф, направился к ее столику. Когда он подошел, она встала. В его голове закружились мысли: как здороваться, нужно ли поцеловать, приобнять, может быть просто улыбнуться и сказать привет? Как всегда, она со свойственной решительностью и инициативой пресекла его метания, подавшись ему навстречу и дотронувшись губами его в щеки. В ответ он нелепо чмокнул губами в воздух, как южанин вслед прохожей блондинки. Бросил пальто на свободный стул, присел, достал сигареты, тут же закурил.

- Ну, рассказывай – с наигранным интересом, как у актера провинциального театра, спросил он - что нового?

- Да я тебе по телефону все уже рассказала.

- Да уж. Сколько мы с тобой последний раз проболтали? Часа полтора?

- Наверное. Я много тебе лишнего, наверное, наговорила.

- Да, нет, все нормально. Мне же интересно. Сколько не виделись, не слышались и вот так случайно нашлись – он положил сигарету в пепельницу, повернулся к стойке – девушка, а можно Вас на секундочку.

- Да это же моя сестра тебя увидела на конференции, узнала. Рассказала мне все и дала твою визитку. Ты то ее не узнал, даже не понял подвоха.

- Ну и хорошо, что так получилось, что я, что она, что конференция эта в Сочи – он заерзал на стуле, опять посмотрел на стойку, ему хотелось убежать от своей мысли в заказ кофе, но пауза затянулась и он выпалил – что мы нашлись, я ведь тебя искал, думал

- Плохо искал. Да и на свадьбу мог прийти. Вообще мог не теряться сам.

- Мог, но не смог.

Чего он там, к чертовой матери мог. Все что он тогда мог, это удалить все ее телефоны из памяти, и горько пить. Разбивать от бессильной злости пустые бутылки. Хвататься, как тонущий в проруби за обламывающуюся кромку льда, за случайные знакомства, со случайными женщинами. Пытаться забыть ее, ее голос, внешность, ее поцелуи, прикосновение ее тела, ее

тонкие, острые пальцы, ее родинку на шее, ее строгость, ее решительность, ее нос, который забавно морщился, когда она смеялась.

У них была студенческая любовь. Встретились они еще до поступления в институт у репетитора по географии. Он провожал ее до метро. Потом он поступил, а она провалила экзамены, подала в другой ВУЗ. На пару месяцев потерялись. Потом Сергей позвонил и пригласил ее на дискотеку в универ. Там то он и влюбился, в тот самый момент, когда во время медленного танца осторожно как фарфоровую фигурку держал ее за талию, а она же крепко прижималась к нему, чувствуя за его нерешительностью и робостью стальную силу и характер боксера. Он ей казался эдаким хемингуэевским персонажем.

Несколько лет все было хорошо. Они ходили в театры, на дискотеки. По вечерам часами говорили по телефону, каждый день. Ездили к друзьям на дачи. Были счастливы и просто упивались этим счастьем и друг другом. Ему, конечно, казалось, что она не так сильно любит его, как бы позволяет себя любить. Это было неважно, важно было увидеть ее, услышать ее голос, обсудить ее экзамены и лекции, вместе с ней посмеяться над очередными пьяными выходками его друзей.

Одним летом, он проходил практику в министерстве, вечерами тренировался, готовясь к проходившим тогда в каждом втором казино «боям без правил», на которых он пытался подрабатывать. Времени катастрофически не хватало. Да и заваленный экзамен, и подготовка к пересдаче не добавляли досуга. Именно этим летом, они перестали видеться. Сначала это был один день. Потом несколько. Потом уже пара недель. К телефону она не всегда подходила, чаще трубку брала ее мать и говорила, что она гуляет с подругами. В те же моменты, что им удавалось пообщаться, она рассказывала про друзей одноклассников, живущих по соседству. Он не придавал этому значения.

В конце августа, вечером он гладил себе «на завтра» сорочку, белую с коротким рукавом, боролся с непослушным воротничком, когда зазвонил телефон. Выматерившись сквозь зубы, он пошел искать трубку, которую забыл положить на базу и вот теперь не знал где она лежит. Это была она, как ни в чем ни бывало, она пригласила его на свою свадьбу. Сначала он воспринял это как шутку и пытался шутить в ответ, но она буднично, но живо описала ему своего будущего мужа, историю их знакомства, рассказала, как он ее любит и боготворит. Сергей оторопел и подтвердил, что на свадьбу придет.

В день свадьбы он отключил телефон, напился. Потом пошел к метро, чтобы купить еще водки и подрался с какими-то людьми, которые, в общем то, не сделали ему ничего плохого. Вернувшись домой, он долго мыл лицо от крови из рассеченной брови, пьяно ругался на воздух. Жизнь для него кончилась, осталось одно существование.

Сначала он обиделся и пытался забыть ее, вспоминая, впрочем, каждый день. Через год он начал попытки найти ее, искал ее новый адрес в телефонном справочнике, пытался встретиться с общими знакомыми. Все тщетно. Матери ее он звонить стеснялся, скорее стыдился. Все восемь лет он вспоминал ее каждый день, даже в день собственной свадьбы.

И вот она сидит перед ним, и как раньше отчитывает его за нерешительность. Делает его виноватым.

- А я тебя вспоминала тогда.

- Правда?! – его немного прорвало – девушка, да принесете Вы мне меню или нет?! Хотя не надо меню! Двойной виски, без льда и чашку американо!

- Ты не за рулем?

- Я на такси. Руль пропил.

- Шутишь?

- Да, Ир, шучу. Я вообще в последнее время много шучу. Знаешь, пусть лучше надо мной смеются, чем плачут.

- У тебя же жена была, ты говорил, а детей нет?

- Нет.

- А я хочу детей.

- Не знаю, я сам ребенок еще.

- Тебе скоро тридцать, а ты как был ребенком, так и будешь им всегда. Наверное, это и не плохо.

- Как солдата отличить можно от ребенка - он, горько улыбнувшись, прервал пахабный стишок и впервые за вечер поднял на нее глаза и завершил, лишь концовкой – и в руках силенка.

- А что у вас с женой произошло? Она должно быть герой, с тобой жить то – засмеялась она своей же шутке.

- Да как-то сложно у нас – пробормотал он.

Весь вечер они намеками, полунамеками говорили, о том, что чувства у них друг к другу никуда не делись. Каким-то миражом в их беседе мелькало восстановление отношений. Сердце в его груди колотилось. Пару раз он выходил в туалет, чтобы позвонить жене и соврать про затянувшуюся встречу. Они не заметили, как оказались на улице, и он уже ловил машину.

- Проводишь меня?

Он захотел поехать с ней, обнять ее в такси, поцеловать там же, протиснув пальцы сквозь её непослушные выющиеся волосы и держать за затылок. Потом долго целоваться у подъезда и только потом подняться к ней.

- Нет. Мне надо спешить. Меня еще в другом месте ждут.

Он нерешительно шагнул к ней, дотронулся ее губ своими, проямлил какие-то слова прощания и резко развернувшись пошел в сторону перехода.

В круглосуточной палатке около дома он купил три бутылки крепкого пива и выпил их почти залпом, сидя на лавочке у своего подъезда. Окончательно замерзнув, он встал и направился домой.

У двери он достал ключи вставил в скважину и заметил на брелоке кольцо. Суетливо, как будто кто-то мог увидеть, он снял кольцо со связки и водрузил его на палец. Повернув ключ в скважине, толкнув дверь, он зашел в ярко освещенную прихожую, надев на лицо пьяную улыбку.